

УДК 94(477.4)“18”:355.11(470+571)

Репрессивные меры российских органов власти в отношении солдат-дезертиров и населения Правобережной Украины в первой половине XIX ст.

Скрипник А.Ю.

*Учреждение образования «Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенко», Каменец-Подольский, Украина*

В контексте объективного изучения современными украинскими историками многовекторной политики российского самодержавия на Правобережной Украине в XIX в. одним из актуальных направлений являются исследования социальных взаимоотношений между органами власти на местах, военнослужащими российской армии и гражданским населением.

Цель работы – объективная оценка деятельности губернских полицейских и судебных органов власти на местах в деле обнаружения, ареста и проведения следственных мероприятий в отношении военных дезертиров и их укрывателей.

Материал и методы. *В статье на основании источников из государственных архивов Украины и Российской Федерации изучены и проанализированы причины дезертирства солдат из частей регулярной армии империи. Приводятся научные трактовки и оценки этого явления в трудах историков и юристов второй половины XIX – начала XXI столетия. В хронологическом порядке представлена эволюция законодательной базы, созданная с целью тотального подавления как стремления солдат покинуть военную службу, так и сочувствия местного населения в виде укрывательства и помощи беглецам, возведенным к тому времени государством в статус преступников.*

Результаты и их обсуждение. *Доказан репрессивный характер действий чиновников уездных силовых учреждений, представлены основные стадии проведения следственных мероприятий, как правило, приводящие к жестким приговорам. С помощью архивной и законодательной базы показаны социальные противоречия и конфликты между представителями разных слоев тогдашнего социума на Правобережной Украине, в центре которого оказались беглецы из армии, а именно – мотивации к доносительству, охоте на людей за денежное вознаграждение, сведение счетов сельского начальства с односельчанами.*

Заключение. *Научно аргументировано, что дезертирство было одним из социально-политических изъянов в крепостническом механизме военной машины российского государства. Как следствие, отношение местных органов власти и населения Правобережной Украины к солдатам-беглецам было диаметрально противоположным и часто в таких случаях приводило к конфликтам между их представителями.*

Ключевые слова: *Российская империя, регулярная армия, дезертирство, укрывательство, законодательство, местные органы власти, следствие, население.*

(Ученые записки. – 2014. – Том 18. – С. 82–91)

Repressive Measures of the Russian Authorities Concerning Soldiers Deserters and the Population of the Right-Bank Ukraine in the First Half of the 19th Century

Skrypnyk A.Yu.

*Educational establishment “Kamianets-Podilsky Ivan Ogienko National University”,
Kamianets-Podilsky, Ukraine*

In the context of objective study of multi-vector policy of the Russian autocracy in Right-Bank Ukraine in the 19th century by contemporary Ukrainian historians, one of topical domains includes studies of social relationships between local authorities, soldiers of the Russian army and the civilian population.

The purpose is to present an objective evaluation of the provincial police and judiciary authorities in the detection, arrest and investigation of military deserters and those who covered them up.

Material and methods. *The sources from the state archives of Ukraine and the Russian Federation served the background for the analysis of the reasons for the desertion of soldiers from the regular army of the Empire. Scientific interpretation and evaluation of this phenomenon in the works by historians and lawyers of the late 19th – early 21st centuries are presented.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: skranat@yandex.ru – А.Ю. Скрипник

The paper suggests the chronological order of the legislative basis evolution created to serve the purpose of total suppression of both the soldiers' desire to quit the military service and the sympathy of local population in the form of covering up and assistance to refugees, who were termed criminals by that time.

Findings and their discussion. *Functions of local authorities are proved to be repressive, the main stages of the investigation are indicated as those resulting in strict verdicts. The author reveals social contradictions and conflicts between representatives of different strata of the contemporary society on the Right-Bank Ukraine, centered round the fugitives from the army, namely round motivation to denounce, hunt people for money, revenge of the rural authorities upon the fellow-villagers.*

Conclusion. *There is scientific argumentation that desertion was one of the socio-political flaws in the feudal military mechanism of the Russian state. As a result, the attitude of local authorities and population of Right-Bank Ukraine to the deserters was diametrically opposite and often caused conflicts between their representatives.*

Key words: *Russian Empire, regular army, desertion, covering up, legislation, local authorities, investigation, population.*

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 18. – P. 82–91)

Дезертирство существовало в вооруженных силах разных стран с давних времен, и отношение к таким воинам со стороны власти тоже было всегда достаточно жестким. Древние египтяне беглецам из войска отрезали язык. Греки лишали дезертиров почетных должностей, одевали в позорные одежды, брили им половину головы и в таком виде выставляли в течение трех дней на торговой площади; за беглого спартанца как бесчестного человека не могла выйти замуж ни одна девушка. В Риме за дезертирство полагались конфискация имущества и смертная казнь или продажа в рабство. Древние германцы вешали дезертиров на деревьях как предателей; иногда полководцы ограничивались обрезанием носа, ушей, языка или выкалыванием глаз. Если речь идет о таком явлении в армии Российской империи, то его начало следует искать в московском войске еще при царе Алексее Михайловиче, а среди главных причин его распространения в течение последующих веков оставались тяжелые, порой невыносимые для обычного человека, условия службы [1, с. 50–71].

Сам термин взят из французского языка: *deserter* – беглый или побег, или самовольное без разрешения начальства покидание своего подразделения офицерами и солдатами. Дезертирство, особенно в военное время, считалось тяжким преступлением и каралось весьма сурово [2, с. 8–10].

Цель данной статьи – при помощи доступного архивного массива и объективного анализа его информативного содержания проанализировать сложные, иногда противоречивые аспекты государственной политики Российской империи в отношении лиц, сознательно нарушивших военное законодательство, и дать объективную оценку работе силовых уездных органов власти в плане борьбы с дезертирами.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе и при помощи храня-

щейся в государственных архивах Украины и Российской Федерации информационной и отчетной документации канцелярии киевского генерал-губернатора, уездных и губернских судов, полицейских учреждений и воинских частей, которая освещает различные аспекты социально-политических взаимоотношений в регионе. В работе использовались историко-описательный, историко-системный, историко-сравнительный и статистический методы, которые позволили достаточно полно представить особенности взаимоотношений между официальными властями и населением края в вопросе военных дезертиров как противозаконного явления в тогдашнем крепостническом государстве.

Результаты и их обсуждение. Наше исследование акцентирует внимание на дезертирстве как явлении, существовавшем на территории Правобережной Украины, где находились российские военные формирования, с одной стороны, и системную работу судебных и исполнительных органов губернской и уездной власти в направлении осуществления следственно-репрессивных мер в отношении солдат-беглецов в рамках законодательной юрисдикции империи – с другой. Иными словами, именно тогда, когда эти беглецы оказывались на их территории и в правовом поле гражданских учреждений. Потому что в случае проведения следствия военными судами при дивизиях и корпусах армии разговор был короткий, а приговоры – довольно жесткими, как то: «бить плетью, вырезать ноздри или сослать пожизненно на галеры» согласно «Уставу полевому сухопутному» и «Полевому уголовному уложению для большой действующей армии 1812 г.».

Историки и юристы конца XIX – первой половины XX в. в своих трудах вполне однозначно определяли причины такого явления, как дезертирство или сознательное бегство из подразделений вооруженных сил империи:

муштра, издевательства офицеров и жестокие наказания за малейшую провинность, плохое питание. Однако они имеют несколько важных особенностей и различий относительно места и региона, откуда бежали солдаты из своих полков, психологические предпосылки и мотивация таких действий.

Известно, что статистика побегов в корпусах и дивизиях, находящихся в западных приграничных губерниях и областях, считалась несколько выше, чем на внутренних территориях. Хотя мотивация была примерно одинакова. Главное отличие состояло в том, что на Кавказе, в Сибири или Оренбургской степи шансов было немного. Не было куда бежать, а в большинстве случаев дезертиров все равно находили и возвращали. Когда же полк находился в нескольких десятках верст от границы, в пограничной губернии, у беглеца подсознательно появлялась надежда на спасение. По мнению тогдашнего военного начальства, именно такие индивиды составляли одну из проблемных категорий солдат, периодически уменьшавших количество личного состава, что негативно сказывалось на дисциплине и боеспособности подразделений [3, с. 65].

Оправдывая состояние дел в армии того времени, ученые и военные периода конца XIX в. отмечали: «Причины побегов из армии таились в низком культурном развитии населения, связанные с особо тяжелыми условиями военной службы и несовершенством закона о комплектовании армии» [4, с. 472–473]. В то же время в российском обществе возобладало сознание того, что главным инструментом борьбы с этим явлением в армии является не жестокость наказаний, а ликвидация причин, порождающих его. Вместе с тем, тогдашние исследователи пытались найти другие мотивы, подталкивающие солдат к побегам. Так, немецкий писатель Эрих Штир в своей работе пришел к выводам, что большинство побегов совершается из местностей, прилегающих к границам государств, с которыми не подписаны конвенции об обмене дезертирами. Он считал, что «наибольшую группу беглецов составляют лица, находящиеся в плену какой-либо страсти или навязчивой идеи. Например, бегство под влиянием полового влечения бывает чаще весной». Распространенными причинами побегов он также считал «...истерию, алкоголизм и общую психическую дегенерацию или эпилепсию» [5, с. 47–49].

На самом деле все было намного прозаичнее. Военный министр М. Барклай де Толли

по результатам инспектирования войск делился в письмах своими впечатлениями и пожеланиями с генералами о необходимости улучшения содержания солдат, о плохом состоянии их здоровья. «По моему мнению, главной причиной увеличения больных и умерших есть жестокость наказаний, истощение в учениях и отсутствие качественной пищи. Из питания, кроме хлеба, солдатам ничего не дают, надеясь на приварок, на их лицах не видно здоровья и живости, а по цвету и похудению к числу больных можно отнести целые роты и батальоны» [6, с. 53–54]. Такие условия службы влияли на поведение солдат, их видение своего места в тогдашнем российском социуме, которое, как правило, было отрицательным и граничило с безысходностью и деградацией личности. Полковник О. Карпов писал в своих воспоминаниях: «Во время квартирования войск в мирное время в России много солдат были пьяницами, ворами, буянами и различными дебоширами, довольно много было и беглецов из полков» [7, с. 222].

Солдаты бежали, спасая свою жизнь и здоровье, подсознательно понимая, что постоянно находятся на грани физического и психологического истощения, приводящего к самоубийству. Единственным выходом они считали побег, если не за границу, то в привычную для себя крестьянскую среду, стремясь спрятаться в ней и дальше жить нормальной, по их пониманию, жизнью. Армия же им не оставляла альтернативы. Тяжелые условия службы, боевые потери в бесконечных войнах приводили к тому, что до 25 лет мало кто дослуживал. В конце первого десятилетия XIX в., согласно статистическим данным, «выслуживших установленный срок нижних чинов» приходилось на дивизию (17–20 тысяч солдат) в среднем всего 200–300 человек. По отчетам Инспекторского департамента Военного министерства, на 1820 год с 826,1 тыс. солдат 25-летний срок выслужили не более чем 3,5 тысячи: в кавалерии это составило 1:380, в пехоте – 1:210, в артиллерии – 1:564 чел [8, с. 8–24]. Причин для побегов было более чем достаточно.

Интересен тот факт, что современные российские историки не хотят или не желают исследовать истинные причины этого явления и давать ему надлежащую объективную оценку, а ограничиваются общими, не слишком научными выводами вроде: «Среди причин дезертирства можно выделить корыстные мотивы:

необустроенность в армии, бесперспективность службы, страх и поиски лучшей жизни, национальные и религиозные мотивы» [9, с. 178–181].

В те времена тяжело было переносить каждый день сурового солдатского быта и еще более тяжело, если он искусственно создавался самими командирами. К сожалению, такая ментальность дошла и до наших дней, когда трудности на военной службе кто-то сначала умышленно создает, а потом солдаты упорно их преодолевают. Так, в июне 1806 года по рапорту М. Кутузова к Александру I, шеф Конно-Татарского полка Улан-Полянский со своими офицерами, разворовывая средства и материальные ценности, довел подчиненных до крайней нищеты и недоедания, что повлекло за собой не только массовый падеж лошадей, но и массовое дезертирство [10, л. 540–542 об.].

Подавляющее большинство офицеров российской армии в первой половине XIX в. вообще не воспринимали солдат как нормальных, самостоятельных людей, видя в них живые бездумные механизмы. Так, на строевом смотре роты проверяющий посоветовал командиру: «Для улучшения стойки и выправки прикажите им сжимать задние щеки на лице». Другая рота ему совсем не понравилась, когда она стояла на месте, он закричал: «Заметно дыхание солдат, видно, что они дышат!». Часами солдатам приходилось носить на себе неудобную униформу образцов XIX века. Мундир плотно стягивал талию и грудь; узкие панталоны прикрывались крагами из твердой как дерево кожи; краги пристегивались к панталонам целым рядом крючков; высокий кивер фиксировался на голове при помощи ремней, затянутых на подбородке. Вся эта амуниция была тяжелая и сковывала движения. Мало того, требовалась идеальная чистота костюма, в некоторых полках панталоны натирали мелом. Туалет солдата требовал много времени и навыков, он должен был представлять собой картинку, абсолютно похожую на своего товарища. Были случаи, когда полковые командиры требовали, чтобы безусые молодые солдаты наклеивали себе усы.

Военные учения и маневры сопровождались нечеловеческими пытками. Один из молодых офицеров вспоминал: «Несложная солдатская наука дорого доставалась бедным солдатам. С началом учений начинались немилосердные порки и зубодробление за любое неверное движение. Били розгами, палками,

шомполами, тесаками. Давали по тысяче и полторы тысячи ударов. Были командиры, которые славились тем, что в их частях из каждого учения выносили по несколько солдат на носилках. Били и гоняли солдат все, начиная с ефрейтора, а в саперных батальонах были солдаты, которые получили по зубам из рук, которые затем держали государственный скипетр (автор имел в виду Николая I. – А.С.). Казалось, что наказания можно облегчить, но нужно учитывать общую дикость мировоззрения и жестокость того времени». По уставам, для офицеров не существовало никаких ограничений при определении меры наказания подчиненных [11, с. 303].

Рекруты и солдаты, которых набирали в левобережных украинских губерниях, зная или подозревая, что их ждет на российской военной службе, убегали из своих полков за границу, преимущественно на территорию Речи Посполитой, где большинство становились простыми крестьянами, записанными в оклад, кто-то вступал в ряды польского войска или «французской службы» на добровольных началах. В 1798 г. Каменец-Подольский военный губернатор в своем рапорте сообщал генерал-инспектору о том, что на границе с Волынской губернией стоит уланский полк австрийских войск, почти полностью укомплектованный из русских дезертиров на добровольных началах.

После полного включения Правобережной Украины в состав Российской империи вопрос дезертиров решался быстро и решительно, в стиле политики императора Павла I. Впервые, по приказу царя в июле 1798 года русское командование запрещало пропускать через границу тех, кто решил вернуться и снова попасть в свои полки с надеждой на прощение. Их считали предателями и шпионами и отправляли в остроги Сибири. Вторых – новые хозяева края обнаружили, что в Киевском, Черкасском, Васильковском и Богуславском уездах на Киевщине в крестьянском статусе больше 10 лет живут «беглые рекруты, солдаты и военные дезертиры». Решили тех, кто сбежал еще до присоединения этих территорий к России, оставить крестьянами, а кто это сделал после аннексии и объявления манифеста – наказать и вернуть в свои полки [12, с. 330, 573].

Немедленно был приведен в действие указ от 15 ноября 1797 года «О штрафах за укрывательство военных дезертиров», посредством которого власти пригрозили большими штра-

фами и судебными делами уездным чиновникам за бездействие и помещикам, укрывавшим у себя дезертиров. Пытаясь искоренить это явление, россияне прибегли к методам круговой поруки и ответственности. Через широкое оповещение населения западных, юго-западных и прибалтийских губерний уездными учреждениями и церковными структурами в местах массового скопления людей о дезертирах и их приметах, власть пыталась получить финансово мотивированных помощников и запугать наказаниями непокорных [13, л. 1–3; 4–7]. Так, старосту села, где дали приют солдату, штрафовали на 100 рублей, крестьян и корчмарей подвергали телесному наказанию, а помещики и управители, в чьих селах дезертир жил более 6 дней и о нем не донесли, уплачивали пеню в 25 рублей. Если беглец оставался в поместье, с помещика брали без очереди рекрута; владельцы лодок должны были держать их на надежных замках, а в случае использования дезертирами без их ведома – платили пеню в 5 рублей. За поимку дезертира или рекрута обещали награду в 10 рублей [14, с. 799].

Пытаясь выполнить все распоряжения начальства и избежать наказания, полицейские и судебные чиновники часто превышали свои полномочия. В январе 1800 года генерал-прокурор А. Беклешов в своих предложениях Сенату отмечал, что в «Киевской и Малороссийской губерниях дела подозреваемых в укрывательстве дезертиров не рассматривали на местах, а сразу же передавали в Нижние Земские, а далее в Главные Губернские Суды». В большинстве своем это были крестьяне, которых содержали в тюрьмах незаконно, нанося вред их здоровью и отвлекая от сельскохозяйственных работ. Так, житель с. Киенки Новоград-Вольнского уезда Волынской губернии И. Муляр три месяца прятал у себя беглого солдата, выдавая его за своего племянника, но у старосты села возникли подозрения и он написал донос в уезд. Через два дня солдата вернули в полк, а крестьянина кроме штрафа два месяца продержали в уездной тюрьме [15, л. 1–6].

А. Беклешов рекомендовал избегать лишней бюрократической волокиты и повысить оперативность местной полиции и судов. По закону от 15 ноября 1797 года, после поимки беглеца и его допроса, подозреваемые в укрывательстве должны были немедленно получить свое телесное или денежное наказание, а дезертира отправляли в его воинскую часть. Кроме того, из уездных тюрем всех солдат,

находившихся под следствием, кроме дел об убийствах и краже казенных вещей, освободили и отправили в полки [16, с. 3–4; л. 1–9].

Накануне войны 1812 года, по представлению Государственного совета, наказания за укрывательство дезертиров стали более жесткими. Если крестьян и в дальнейшем штрафовали и пороли плетью, то на помещиков отныне налагался штраф в размере 2000 рублей ассигнациями, а в случае невозможности или отказа от уплаты их забирали на военную службу, а признанных не способными к ней могли выслать в Сибирь. Подобная же участь ожидала старост сел и городков. Уездным нижним земским судам юго-западных губерний приказали такие дела рассматривать быстро и без очереди, а сам закон был переведен на немецкий и польский языки и разослан по дворянским собраниям, чтобы никто из шляхты не смог сказать, что не был проинформирован [17, с. 217–218].

Новые законы были настолько жесткими, что и представителям духовного ведомства власть не делала никаких послаблений. По доносу в Киевскую духовную династерию стало известно, что в Михайловском мужском монастыре на Чигиринщине Киевской губернии прячут дезертира. Как свидетельствует настоятель, «мы не знали, что Тарас Шамненко убежал из войска, а сам он объяснил свое появление в монастыре желанием стать монахом». Чигиринский нижний земский суд, проводя следствие, не обращал внимания на просьбы братии оставить у них «хорошего послушника». Земский исправник М. Попов ответил письменным отказом, мотивируя это тем, что молодого солдата подозревают в убийстве. В конце концов следствие и суд, не найдя доказательств, постановили вернуть беглеца в полк, а монахов предупредили о своевременном информировании относительно чужаков [18, л. 1–2 об., 3–5, 8–9].

В декабре 1798 года по рапорту начальника пехоты Смоленской инспекции генерала от инфантерии Б. Ласси вышло распоряжение об усилении мер по предотвращению «дезерций». На примере своих подчиненных он предлагал в полках несколько раз в сутки проводить переключку солдат, и в случае отсутствия кого-то «...сразу же сообщать Земскому Начальству и Пограничной страже», которые должны были немедленно приступить к поискам. Одновременно усиливались посты и караулы на границе, конные разъезды у мест расположения армейских подразделе-

ний. С целью поощрения местных жителей приграничных населенных пунктов к охоте на беглых для них вводилось специальное денежное вознаграждение. Правда, по решению Сената с февраля 1800 года существовало два варианта выплаты такого вознаграждения за поимку дезертиров: первый – если его ловили пограничники или обыватели и приводили в полк или к военному начальству, им в качестве вознаграждения должны были заплатить 6 рублей серебром в том же полку или батальоне, откуда сбежал солдат, а должен был это сделать командир роты беглеца; второй – если поймали солдата или рекрута, который прятался в населенном пункте, и привели к земскому начальству, то получали 10 рублей серебром за счет того, кто его укрывал [19, с. 33–35, 484–485].

Солдаты начали охотиться за солдатами за деньги, которые власть презентовала как дополнительный источник доходов за надлежащее выполнение служебного долга. Подобная практика была распространена и на территории Киевского генерал-губернаторства. Военнослужащим, при наличии должного внимания и бдительности, было нетрудно распознать в толпе и задержать беглеца в приграничных населенных пунктах, как правило, в местах скопления людей. Например, в г. Ратно Волынской губернии фельдфебель Й. Ковалев и рядовой И. Татарчук на базаре поймали дезертира Семена Прокофьева, сбежавшего из 27 Егерского полка в городе Бельцы и по ночам, иногда заходя в села и городки за хлебом, пробиравшегося в Австрию. Ковельский земский суд присудил ему наказание в арестантских ротах, а солдаты получили обещанное вознаграждение [20, л. 1–2 об.]. Не отставали от военных и гражданские, зная, как можно при случае подзаработать. Ямщик Острожской почтовой станции Сильвестр Семашкевич на дороге в город поймал неизвестного в солдатской шинели и привез в Острожский земский суд. Вскоре получил обещанное законом вознаграждение, а суду «подарил» еще одно длинное дело, где оказалось, что это беглый военный арестант Максим Антонов [21, л. 3–4 об., 18–25].

Часть боевых генералов считала скрупулезное расследование причин побегов формальностью и пустой тратой времени и всячески способствовала более быстрому отправлению солдат в полки. Так, М. Кутузов, командуя Молдавской армией, приказывал кригсрехтам (военным судам. – А.С.) «...не

обременять свою работу собиранием различных мелких справок, тем самым не давая возможности попасть человеку на службу...». Главной задачей этих судов он считал выявление тех беглецов, которые совершили за это время уголовные преступления и были потенциально опасными в солдатской среде [22, л. 153–153 об.].

На середину 20-х гг. XIX в. дезертирство как явление в российской армии стало не только распространенным, но и приобрело определенную системность среди отдельных солдат, убежавших по нескольку раз, но их ловили и возвращали в полки. Приказом начальника Главного штаба от 11 июля 1826 года устанавливалась определенная критическая черта: «...принимая во внимание пользу, которую может принести удаление из армии порочных людей, какие не дают надежды на исправление, приказываю всех нижних чинов, отданных в Военный Суд за четвертый побег, после оглашения приговора отправлять в арестантские роты в крепостях». Единственным условием освобождения и возвращения в ряды армии было примерное поведение, убеждение начальства в полной благонадежности и его ходатайство перед вышестоящими инстанциями. Таким образом, в частях избавлялись от тех солдат, которые были источником разрушения дисциплины, монолитности коллектива и авторитета командиров [23, с. 686].

В сентябре 1830 года было отменено положение от 20 декабря 1821 года, коим солдата, совершившего первый побег, отправляли служить во внутренние гарнизонные батальоны, что оказалось, во-первых, не слишком суровым наказанием, а во-вторых, постепенно снижало количество опытных солдат в регулярных частях. Отныне Инспекторский департамент Главного штаба требовал отправлять таких солдат в ближайшие полки по роду военной специальности. Такая возможность получения не слишком строгого наказания поощряла беглецов давать неверную информацию о своем прежнем месте службы и настоящем количестве побегов. Поэтому командиры батальонов корпуса Внутренней стражи и следователей уездных земских судов обязали над пойманными или добровольно вернувшимися совершать основательный допрос и обязательно давать запрос в тот полк, где, по словам беглеца, он служил. И только после письменного подтверждения правдивости слов солдата отправлять дальше на службу [24, с. 45, 757–758].

На практике это выглядело намного сложнее и дольше, особенно если беглец был пойман представителями гражданской власти. Например, задержанного полицией в г. Остроге Волынской губернии дезертира Якутского пехотного полка Петра Жоновола, пока длилось следствие, содержали в уездной тюрьме. После первых допросов следователю, чтобы выяснить личность задержанного и проверить правдивость изложения биографии, потребовалось время. Он направлял многочисленные запросы по месту рождения, по месту рекрутирования, в полки, где тот служил, в госпиталь, где лечился. Если ответы подтверждали показания и совпадали во времени, то такой нижний чин отправляли после экзекуции обратно к месту службы, если нет – то допросы возобновлялись и направлялись дополнительные запросы до тех пор, пока не устанавливалась истина. Таких беглецов ждали арестантские роты. Часто подобные дела длились по нескольку лет, постепенно накапливаясь в уездных учреждениях, и требовали дополнительных средств на содержание заключенных и канцелярские расходы [25, л. 1–4, 17–43]. Единственным путем уменьшения их количества была предусмотренная законодательством передача дела в другой суд, по месту службы беглеца. Так Староконстантиновский земский суд Волынской губернии сообщал Литинскому земскому суду Подольской губернии, что «...в селе Демковцы пойман военный дезертир из Литинской инвалидной команды Полищук Корней». Следствие шло по стандартной схеме: делались запросы на места проживания и службы, вызывали свидетелей, которые показали, что солдата прятал мещанин Корниловский. Потому следователь, чтобы уменьшить количество дел в своем суде, нашел законные основания для передачи материалов дела и арестанта в Литинский суд на доследование. Оно продолжалось еще три года, и беглец оказался в житомирском штрафном батальоне, а мещанин получил штраф за укрывательство [26, л. 1-1 об., 5–14, 45].

Чаще всего пойманные без документов дезертиры на допросах пытались выдавать себя за «не помнящих родства» бродяг, поселенцев, беглых от помещика или с каторжных работ крестьян. В таком случае, согласно Своду законов «О паспортах и беглых», они проходили по судебной системе гражданского ведомства, и после наказания плетью наилучшее, что их ожидало, – ссылка в Сибирь на

поселение. Денежные дезертиры стремились купить фальшивые документы и оказаться как бы в «подвешенном состоянии»: с одного полка будто бы выбыл, а к другому еще не дошел. Солдаты Луцкой инвалидной команды поймали Михаила Васильева, всячески пытавшегося запутать следствие. Сначала говорил, что якобы сбежал из Украинского егерского полка, затем – что лечился во Владимир-Волынской градской больнице и по приказу направлялся в г. Торчин на службу. Следствие выявило, что он купил у какого-то еврея в Ковеле фальшивые документы, и тот помог еще добыть медицинскую справку в больнице. С этими бумагами он путешествовал по западным губерниям больше года, не привлекая внимания полиции [27, л. 11–12, 14–21]. Иногда дезертиров удавалось разоблачить случайно. Так, в Новоград-Волынском земском суде находилось на расследовании дело двух казенных крестьян-беглецов, пойманных без документов. Они уже два месяца сидели в уездной тюрьме, и их за недостатком улики собирались отпустить. Случайно один из солдат местной инвалидной команды, охранявшей тюрьму, узнал в них своих бывших сослуживцев, коих искали уже четыре года. Этот факт вызвал большое недовольство Волынского губернского правления, которое объявило выговор следователю за плохое ведение дела и назначило нового; тот довел расследование до конца должным образом [28, л. 3–8, 13–15 об.]. Страх человека перед возвращением в армию был намного больше, чем все остальные наказания, поэтому признавали свою вину только перед бесспорными доказательствами. Если местная полиция в военное время выясняла, что поймала военнослужащего, то его немедленно передавали военному суду и уже судили по военным законам: главными пунктами обвинения были побег со службы и сокрытие своего воинского звания [29, с. 334–335].

Под репрессии попадали все возрастные категории военнослужащих. Понимая перспективу пожизненного пребывания в рядах армии, родители военных кантонистов хитростями пытались спасти своих детей. Становой пристав 3-го стана Ковельского уезда в июне 1838 года рапортовал в земский суд: «Пять дней разыскиваю пропавшего кантониста улан Власа Кожучука, который ушел из дома и не вернулся. На берегу реки возле села Соловьевка найдены одежда и вещи, но самого тела нет». У следователя появились подозре-

ния относительно инсценировки утопления сына Иваном Кожучуком, отцом, но доказательств не было. Окончательно дело закрыли лишь в 1846 году [30, л. 1–4, 13–14, 111]. Родительская любовь и стремление спасти своих детей толкали родственников на сознательное нарушение законов и правил. По доносу чиновник Ковельского нижнего земского суда Раковский приехал в с. Раково к Демиду Коту с целью найти его сына, беглого солдата. Вместе с экономом села и сотенным он пытался устроить обыск, но хозяин сопротивлялся и не пускал в дом, а потом ударил «опасным орудием» сотенного в бок, чем причинил ему несколько ран. Не выдержав шума и психологического напряжения, мать беглеца показала место в сарае, где прятался сын. Его немедленно арестовали и под конвоем повезли в уездный суд. На допросах он рассказал, что бежало их двое, но его сообщник не захотел остаться в селе и пошел к границе. Месяц родители и два брата прятали его в лесу и носили еду, а когда стало холодно, вырыли тайник. Волынский губернатор приказал Волынскому главному суду «наказать отца и сыновей в соответствии с законами». Часто родственники пытались надежно спрятать своих беглых солдат, рассчитывая на то, что скоро перестанут искать, а потом за взятки чиновникам смогут записать их в ревизские сказки у своих дальних родственников в соседних селах [31, л. 1–14, 17–20 об., 30].

В это же время власть продолжала идти путем запугивания населения еще более жестокими наказаниями за укрывательство солдат. По инициативе Государственного Совета в ноябре 1827 года были приняты изменения в предыдущих законах о наказании за подобные действия. Прежде всего, дезертирство как явление объявлялось «вредным для общества злом», с которым необходима системная борьба через наказания. Новые положения базировались на наказаниях в зависимости от времени: чем дольше беглец находился в доме, тем жестче было наказание; дававший ночлег военному дезертиру или прятавший его в течение 6 дней был обязан уплатить штраф в сто рублей за каждого; от 6 дней до 6 месяцев – кроме штрафа – телесное наказание; кто был не в состоянии уплатить штраф, того забирали в рабочие дома; срок больше 6 месяцев признавался сознательным укрывательством и за это хозяина отдавали в военную службу без зачисления помещику или общине как планового рекрута [32, с. 984–985].

С декабря 1832 года, по инициативе министров внутренних дел и юстиции, нормы наказаний стали еще жестче. В свете событий польского восстания 1830–1831 гг. объявление территорий Правобережной Украины на военном положении и введение прямого военного управления стало удобным поводом к их изменениям. Теперь сознательное укрывание солдата-беглеца жителями, знающими, кто это, меньше 6 дней и без донесения властям наказывалось рекрутом. Если дезертир пребывал на одном месте или у одного человека, не знавшего, кто он, более 3 месяцев, то этого человека также забирали в армию. Если уездные суды и полицейские чиновники в результате проведения следственных действий доказывали вину того, кто прятал беглых, то гражданским губернаторам оставалось только утвердить решение о рекрутировании [33, с. 916–917]. Одновременно наблюдалось увеличение беглецов из пограничных полков солдат польского происхождения. В августе 1832 года командир 2-й гренадерской роты Охотского пехотного полка обратился за помощью к Ровенскому уездному земскому суду относительно побега четверых солдат-поляков. Следователь выяснил, что они хорошо знали здешнюю местность, поскольку были родом из этих краев и убежать в Австрию им было несложно. Допросы однополчан не дали никакой дополнительной информации, единственное, что удалось выяснить, – это то, что дезертирам помогал местный шляхтич Яков Тернавский, которого на месте проживания также не оказалось [34, л. 1–3, 15–19].

В январе 1834 года вышел указ «О мерах по искоренению бродяжничества и укрывательства беглых в Западных Губерниях», касающийся и территории Киевского генерал-губернаторства. Генерал-губернатор В. Левашов приказал гражданским губернаторам и полиции усилить поиск беглых и дезертиров путем широкого оповещения всех уездных учреждений без исключения. В частности, священников и монахов обязали произнести его во всех церквях, на площадях, базарах, сельских сходах. С гражданских чиновников и священников брали письменную подписку о неукрывательстве беглецов [35, л. 4–6, 10–21]. Власть обязала представителей всех слоев населения в течение 6 недель подать в полицию списки тех, кто поселился в городах и поместьях «без паспортов или с просроченными документами». Пойманных бродяг и беглецов, годных к военной службе, сразу же

отдавали в войска, негодных – в военно-арестантские роты, детей – в кантонисты, женщин и девушек – на фабрики или на поселение [36, с. 56]. Всячески поощрялись и освобождались от ответственности те, кто добровольно сообщал о военных дезертирах, а у кого находили – тех ожидало суровое наказание без ограничения срока давности в 10 лет [37, л. 22].

Окончанием первого этапа системной политики преследования и репрессий военных беглецов со стороны государства стал Манифест Николая I от 16 апреля 1841 года по случаю женитьбы его сына Александра Николаевича. В пункте V обещано прощение за дезертирство, которое учинили «военные люди». Они могли как можно быстрее вернуться в свои полки и подразделения или явиться к командирам батальонов Внутренней стражи в губерниях. Те, кто скрывался в пределах империи, должны были это сделать в течение полугода, пребывающим же за границей давался год с момента объявления манифеста. Исключение составляли военнослужащие, участвовавшие в течение последних десятилетий в мятежах и заговорах против существующего строя и после убежавшие за границу [38, с. 308–313, 787–788].

Заключение. На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. российская власть целенаправленно и системно боролась с дезертирством как социально-политическим явлением в армии и обществе исключительно репрессивными методами и средствами. Сама система построения государственного механизма Российской империи и тогдашнее видение обустройства вооруженных сил высшими чиновническими эшелонами власти предусматривала широкий арсенал методов принуждения и запугивания в комплексе с насаждением в общественном сознании идеи ничтожности простого человека, его неполноценности и слепого служения самодержавной государственной машине.

Именно невыносимые условия службы в крепостнической армии империи, иногда сходные с условиями жизни в тюрьме или на каторге, высокая смертность среди военнослужащих становились главной причиной возникновения и распространения дезертирства, в основном среди рекрутов и молодых солдат. С течением времени в войсках появилась целая прослойка «отпетых дезертиров», что свидетельствовало об укоренении этого

явления и несостоятельности военного командования с ним справиться.

Одним из основных направлений деятельности местных гражданских органов исполнительной власти, полиции и судов был усиленный розыск солдат-беглецов, а в случае поимки – жестокие приговоры и телесные наказания. Что касается местных жителей, которые решались помогать дезертирам и прятать их у себя, то власти четко понимали, что без уничтожения или подкупа этой социальной базы борьба по искоренению «придержательства» будет безуспешной.

Законодательно была создана и всячески поощрялась система денежных вознаграждений за поимку военных, создание круговой поруки в различных слоях общества на Правобережной Украине и стимулирование и поощрение доносов и клеветы со стороны властей.

Статья выполнена в рамках НИР «Российское военное присутствие как фактор социально-экономического и политического состояния Правобережной Украины (1793–1865 гг.)» на кафедре истории Украины Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровский, П.О. Военное право в России при Петре Великом / П.О. Бобровский. – М.: Книга по требованию, 2011. – Ч. 2: Артикул воинский по русским и иностранным источникам. – Вып. 3. – 465 с.
2. Военный энциклопедический лексикон. Издаваемый обществом военных и литераторов, и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу Великому Князю Александру Николаевичу. – Издание второе. – СПб.: В типографии штаба военно-учебных заведений, 1854. – Т. V. – 673 с.
3. Богданов, Л. Русская армия в 1812 году. Организация, управление, вооружение / Л.П. Богданов. – М.: Воениздат, 1979. – 192 с.
4. Военная энциклопедия / под ред. К. Величко. – Паукер-Порт-Артур. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, Пятницкая улица, с.д., 1915. – Т. XVIII. – 358 с.
5. Stier, E. Fahnenflucht und unerlaubte entfernung / E. Stier. – Halle, 1905. – 139 s.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). ВУА. Отечественная война 1812 года. – СПб., 1900. – Т. 1, ч. 1, отд. 1. – 577 с.
7. Из «Записок» полковника А.К. Карпова // Двенадцатый год. В воспоминаниях и переписке современников. С иллюстрациями /

- сб. сост. В.В. Каллаш. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, Пятницкая улица, с.д., 1912. – 279 с.
8. Корнилов, В.А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века / В.А. Корнилов // Вестн. МГПУ. Сер. «Исторические науки». – 2008. – № 1(22). – 141 с.
 9. Назарян, Е.А. Дезертирство в русской армии: мотивы и обстоятельства. Отечественная война 1812 года / Е.А. Назарян // Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Междунар. науч. конф. – Можайск, 2012. – 432 с.
 10. РГВИА. – Фонд 26. – Оп. 152. – Д. 313.
 11. Довнар-Запольский, М.В. Обзор новейшей русской истории / М.В. Довнар-Запольский. – К.: Тип-я И.И. Чоколова. Б. Житомирская № 20, с.д., 1912. – Т. 1. – 427 с.
 12. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ). – Собр. 1. – Т. XXV. – № 18608; № 18870.
 13. Государственный архив Черкасской области (далее – Госархив Черкасской области). – Фонд 660. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 166.
 14. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. XXIV. – № 18244.
 15. Государственный архив Житомирской области (далее – Госархив Житомирской области). – Фонд 16. – Оп. 4. – Д. 117.
 16. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. XXVI. – № 19241; Госархив Житомирской области. – Фонд 324. – Оп. 1. – Д. 17.
 17. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. XXXII. – № 25029.
 18. Госархив Черкасской области. – Фонд 660. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 228.
 19. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. XXV. – № 18784; т. XXVI. – № 19270.
 20. Государственный архив Волынской области (далее – Госархив Волынской области). – Фонд 363. – Оп. 1. – Д. 426.
 21. Государственный архив Ровенской области (далее – Госархив Ровенской области). – Фонд 22. – Оп. 2. – Д. 207.
 22. РГВИА. – Фонд 9190. – Оп. 165. – Св. 53. – Д. 2.
 23. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. I. – № 459.
 24. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. V. – Отд. 2. – № 3926; т. VI. – Отд. 1. – № 4757.
 25. Госархив Ровенской области. – Фонд 22. – Оп. 1. – Д. 84.
 26. Государственный архив Винницкой области. – Фонд 222. – Оп. 1. – Д. 275.
 27. Госархив Волынской области. – Фонд 363. – Оп. 1. – Д. 1346.
 28. Госархив Житомирской области. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 12.
 29. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. XIII. – Отд. 2. – № 11769.
 30. Госархив Волынской области. – Фонд 363. – Оп. 1. – Д. 458.
 31. Госархив Житомирской области. – Фонд 16. – Оп. 4. – Д. 349.
 32. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. II. – № 1540.
 33. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. VII. – № 5843.
 34. Госархив Ровенской области. – Фонд 384. – Оп. 5. – Д. 994.
 35. Госархив Черкасской области. – Фонд 660. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 1171.
 36. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. IX. – Отд. 1. – № 6733.
 37. Госархив Волынской области. – Фонд 229. – Д. 44.
 38. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. XVI. – Отд. 1. – № 14460; № 14874.

Поступила в редакцию 15.12.2014 г.

Принята в печать 29.12.2014 г.